

Владимир Чуприна
«Пояс Богородицы»
(повесть)

Издано:
Независимым Издательством

Аннотация

Аннотация здесь

ISBN–13: 978-1-326-90004-5

УДК: 1751

Москва 2024

Об авторе

Об авторе здесь

-Алга! – аравт – командир десяти монгольских всадников – Батачулун звонко выкрикнул в предрассветные сумерки и, обернувшись к воинам-нукерам, махнул сложенной камчой, приказывая следовать за ним. Затем отпустил поводья и приударил пятками в конское подбрюшье. Он едва коснулся крупа, как резвая лошадь пошла иноходью, вливаясь в поток вооруженных всадников, заполнивших улицы Сарая. Орда хана Ахмата широкой рекой текла к глинобитным стенам города и, миновав въездные ворота, словно запруду, разливалась по степи далеко вперед и в стороны.

Орда уходила в набег. Батачулун то и дело вставал на стремянах, пытаясь оглядеть войско. Но берегов у разлившейся реки не было. Прикрытая уходящей ночью, она казалась необъятной. Аравт прижался к седлу и осмотрелся: справа и слева, впереди и за спиной – повсюду слышалось ржание коней и рев верблюдов, скрипели колеса. То там, то тут тысячеголосый людской гомон пронзали гортанные выкрики орхонов – высших командиров, в обязанности которых входило устраивать движение огромного войска. Батачулун слушал и сердце его радостно билось. Сила, не поддающаяся счету – тьма – была залогом успешного похода.

- Пусть только эти «урусы» посмеют не повиноваться. Хан покажет им, чья это земля и кто на ней хозяин, - радовался аравт. Довольный, Батачулун поерзал в седле, и предался своим любимым мыслям, которые бередили его все время, пока он

готовился к походу. Воин предвкушал богатую добычу, с которой вернется в родовое стойбище, но вдруг засомневался; не мало ли неоседланных коней гнал в обозе для этого.

- Впрочем, лишнюю лошадь для поклажи всегда можно забрать у поверженного противника, - успокоился Батачулун и стал представлять, сколько привезет мехов и ткани, пригонит рабов, умеющих шить и ковать, строить, шорничать и скорняжить. На невольничьем рынке их можно выгодно продать.

Давно в стойбище воина не было праздника. Батачулун в крупном набеге участвовал впервые. С последнего похода Ахмата на север минуло восемь лет. Аравт был тогда подростком. Но хорошо помнил, что набег не был удачным. Правда, монголы разорили несколько городов, но главной цели – выхода – дани со всех русских земель так и не собрали. «Урусы» упорствовали, прятались по лесам и топям, громили отряды баскаков, собиравших дань, и забирали все ценное обратно. Орда вернулась почти ни с чем. И поражением тот поход нельзя было назвать, но и победой никто из воинов его не считал.

Восемь лет длилось унылое затишье. Сил для нового набеге не было, и русские прекратили выплату «выхода» полностью. Орда лишилась главного источника существования. Сарай начал нищать. Требовался свежий приток рабов: ремесленников, мастеров - чтобы содержать и обустраивать город. А их не было.

Молодым воинам приходилось особенно трудно. Они довольствовались остатками старой добычи, что перешла по

наследству. И что хуже всего, что унижало достоинство аравта, оскорбляло его гордость – он вынужден был многое делать своими руками: мять шкуры, шить доспехи, затачивать стрелы. Получалось грубо и неумело. Это злило воина. Часто в гневе он разбрасывал по юрте «плоды» своих рук, топтал их или, обнажив меч, рубил шкуры и инструменты, пугая разбегавшихся жен и слуг.

Наконец-то все переменится. Этот трус хан Ахмат, этот бездарный правитель, которого Батачулун винил в своей нищете, вспомнил о воинах и решил восстановить справедливость. Больше «урусы» не посмеют лишать ордынцев принадлежавшего им по праву. Час возмездия настал. Аравт крепко сжал рукоять меча, словно противник уже возник перед ним и он – огромный сильный воин – даст сейчас выход своей ярости и заберет все, что пожелает.

Разбив «урусов» в своем воображении, лучник вдруг вспомнил красивую голубоглазую наложницу мурзы Давлета, из стойбища по соседству. Ее взгляд лишь однажды скользнул по сердцу воина, но ранил, как отравленная стрела. Рана не давала покоя по ночам. И в душе Батачулуна зародилась тайная мечта – привезти себе с севера такую же пленницу: с косой до пят, с чарующим синим взором. Аравт ненавидел мурзу с того злопамятного дня, когда влюбился в его рабыню, желал ему смерти в предстоящем походе. Он готов был сам пустить в спину вельможи стрелу, где-нибудь ночью, тайно, смешавшись с толпой всадников и завладеть наложницей.

- Говорят, северянки прекрасно пахнут, - эта мысль воспламенила молодого воина, как костер охалка сухого хвороста. Он представил себя в теплой юрте, ночью, как он заставляет девушку расплести косу, срывает с нее одежду и, наслаждаясь запахом дрожащего тела, силой укладывает на кошму.

Затаив дыхание, Батачулун смотрел горящими глазами в свое счастливое будущее, которое сулил ему долгожданный поход.

Последний монгольский всадник покинул стены Сарая, когда солнечный диск выполз из-за горизонта на багровое небо. Всю ночь город не спал, провожая своих воинов в богатые земли, на «урус». Поднявшись на широкий земляной вал, опоясывавший ханское стойбище, оставшиеся: жены и аксакалы, подростки — долго смотрели вослед мужьям и сыновьям-батырам.

Провожающие желали родственникам одного — скорой победы и богатого ясака — добычи, на которую уже не одно столетие опиралось благополучие и могущество Сарая.

Орда, вылившись за стены города, отделилась от него и потекла в степь, заполняя собой все пространство до горизонта. Стал виден строгий порядок в войске. Центр шествия — кэль — составляла ханская гвардия, закованная в кожаные и металлические панцыри. Она восседала на лошадях, также покрытых латами. Гвардия выделялась вооружением. Кешиктены — гвардейцы держали над собой целый лес длинных копий, уперев их тупыми концами в стремяна.

На правом и левом крыле орды двигались хорчины – легковооруженные лучники, почти не прикрытые доспехами, имея за спиной каждый по два лука. Их лошади были увешаны колчанами со стрелами.

Замыкали шествие воины черби, чины по хозяйственной части. Они гнали стада верблюдов, овец и неоседланных лошадей.

Между кешиктенами, хорчинами и черби сновали всадники с высоко поднятыми бунчуками – жердями с сигнальными знаками различия из хвостов буйволов. Высшие чины – орхоны, с их помощью контролировали гигантское шествие.

Было видно, что лучники превосходят кешиктенов числом в разы. И в этом заключалась стратегическая логика организации монгольского войска. Хорчины со времен великого Темучина – главная сила для кулумги – победоносной тактики боя, не изменившей ордынцам ни разу.

От мысли о запахе русоволосой наложницы, воображение аравта снова перескочило на картины сражения. Батачулун опять вставал на стремя, озирая армию лучников. Вид десятков тысяч вооруженных нукеров будоражил кровь. Аравт знал, как орда разобьет русских.

Боевое искусство всадников превосходило силу русского пешего строя. Славяне бились стенка на стенку, растянувшись в линию и тесно сомкнув щиты, прикрывая друг-друга, выставив копья. Сломать их боевой, словно из монолита, строй было непросто даже закованной в латы коннице. Но подвижные

монголы давным-давно поняли свое преимущество перед неповоротливой «стенкой». Они ловко пользовались быстротой перемещения на поле боя, разбивая могучую стенку почти без потерь.

Отряды конных лучников сближались с пешей русской ратью на расстояние выстрела и засыпали ее стрелами. Укрытые щитами «урусы» подвергались непрерывному обстрелу, неся потери и не могущие ничего сделать противнику. Едва они устремлялись вперед, чтобы сблизиться врукопашную и переломить ситуацию, хорчины тут же обращались в бегство. Запыхавшиеся, в тяжелом железе, преследователи останавливались, смыкая ряды. Но им не давали отдышаться. Монголы тут же разворачивали коней и возвращались на расстояние пущенной стрелы, и все повторялось.

Когда русский отряд, разгоряченный попытками сблизиться и устроить сечу, отходил далеко от спасительных стен города, на поле боя перед ним появлялись тысячи новых хорчинов, спрятанных доселе где-нибудь в пойменных зарослях или прибрежных лесах. Рать окружали и начиналась кулумга — изматывание и избиение противника. Используя численное превосходство и подвижность, монголы выстраивались в большой круг, словно накидывали на войско противника гигантский аркан из людей и лошадей и разили-разили стрелами уже со всех сторон.

Пытаясь вырваться из живой петли, ратники снова и снова бросались в атаку. Но живой аркан, ловко извиваясь,

перемещался по полю, удерживая безопасную для себя дистанцию.

Монгольские стрелы сыпались, как град из черной тучи, а раненые ратники падали, словно скошенные градинами стебли. И так весь день. Наступала, казалось, спасительная ночь. Но кулумга не прекращалась. Один отряд хорчинов сменялся другим, третьим... Врагу не давали ни минуты отдыха. Измученные напряжением, жаждой и бессонницей, обессиленные от тяжести кольчуг, щитов и оружия, дружинники начинали терять самообладание и боевой дух. Они уже не бросались вперед, а словно затравленный зверь, загнанный в надежную ловушку, обреченно огрызались, сбившись в кучу и выставив во все стороны бесполезные копья и мечи. Тяжело дыша, в измождении, то там, то тут, шатаясь словно пьяные, «урусы» падали на колена, плохо прикрываясь щитами, и лишь вздрагивали от каждого нового залпа стрел. Слышались стоны раненых, ругань, проклятия и мольбы.

А кулумга продолжалась. Отдохнувшие и свежие, возвращались наутро отряды монголов, первыми начавшие эту кошмарную пытку. Но за ними уже молчаливо стояли, выстроившись в несколько линий, бронированные тяжелые всадники гвардии. Они смеялись, глядя на измотанную русскую рать, что-то весело горланили друг-другу, показывая на растерянную кучу-малу, бывшую еще вчера грозной «стенкой».